

стыри.¹ Но источники нам показывают, что эти запрещения не были особенно действительны. Иоанн Эфесский, например, не скрывает, что широкое увлечение аскетизмом приводило в монастырскую среду массу людей случайных, что их принимали без разбора, и жизнь монастырская не отличалась чистотой. „Хотя бы в монастырь пришел кто-нибудь вследствие преступления, рабства, долгов, ссоры с женой или кражи, чтобы избежать угрожающего суда, — его тотчас же по пострижении принимают, несмотря на то, что его душе в большей степени свойственны необузданные нравы и мирские привычки“.² Правительство само в течение долгого времени поощряло создание монастырей, считая, что развитие этих учреждений являлось и хорошим примером и хорошей политикой, полагая, что „если эти чистые руки и священные души будут молиться за империю, то при обеспеченной таким образом милости божией армия будет крепче, процветание государства больше, земледелие и торговля более цветущи“.³

V—VII вв., несомненно, являются золотым веком развития монастырей в Византии. Говоря об этом учреждении, имеющем такое огромное распространение и такое длительное существование, историк-марксист не может ограничиться презрительной и остроумной насмешкой над ними в стиле Гиббона. Чтобы объяснить широкое их распространение, недостаточно сказать, что загонял туда людей невыносимо тяжелый гнет византийских налогов, что там здоровые люди „спасались“ от тяжелых налогов, от гнета господ, от военной службы, — хотя и это, несомненно, имело место.

Византийские монастыри того времени различались по своему характеру. В одних монастырях — и они были довольно многочисленны в Византии — среди монахов преобладали склонности люмпен-пролетариев; монахи жили там, главным образом, нищенством, а христианский аскетизм был средством для достижения этими монахами „высшего духовного совершенства“. Другие монастыри имели счастье найти богатых членов или покровителей, даривших им имена, деньги, рабов и колонов, и благочестивые люди могли жить, эксплуатируя последних. Монастыри третьего рода были союзами бедных людей, пытавшихся созданием своеобразных производственных товариществ решить „социальный вопрос“ своего времени для ограниченного круга лиц и собственными силами этих последних. Им приходилось, по крайней мере на первых порах, прибегать к физическому труду, приучаться к планомерности и

¹ Cod. Just. I, III, 16.

² А. Дьяконов. цит. соч. стр. 394.

³ Nov. 138, 5.